

Владимир Васильевич Тулупов родился в 1954 году в Уфе. Окончил филологический факультет Башкирского государственного университета. Сотрудничал с рядом уфимских и воронежских газет. Доктор филологических наук, профессор. Декан факультета журналистики Воронежского государственного университета. Автор около трехсот научных и научно-методических работ, нескольких книг стихов и публицистики. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Владимир Тулупов

ЗАМЕТКИ БРЮЗГИ

(Парадоксы высшего образования,
или Можно ли научить журналистике сегодня)

О ЖУРНАЛИСТИКЕ

В последние годы, критикуя профессиональную журналистику, все чаще противопоставляют ей так называемую «гражданскую журналистику». Что же это за феномен? Попробуем разобраться.

За границей для обозначения этого явления придумали два названия: civic journalism и citizen journalism. На слуху и другие титулы: журналистика альтернативная, партисипативная, партизанская, уличная, демократическая, журналистика участия... При всех нюансах различий так именуется самостоятельное творчество обычных граждан по созданию массового информационного продукта, получившее широкое распространение с развитием интернета и новых цифровых технологий, повышающих интерактивность. А что с классической журналистики? Служит ли все это ее развитию как массово-информационной деятельности или, напротив, разрушает сложившийся социальный институт, лишая его влияния на общественное мнение и звания «четвертой власти»?

Считается, что информальная — не зарегистрированная, неангажированная, независимая, нецензурируемая — журналистика именно в силу перечисленных качеств и нацеленности на общественный диалог привлекает массы. Но все-таки это идеальный взгляд на непрофессиональную и сверхсубъективную журналистику, которая, увы, немало загрязняет информационное поле: иног-

да — в силу дилетантизма блогеров, но чаще — в силу превратно понятой ими свободы слова. Не отсюда ли большое количество фейков, мешающих воссозданию целостной картины текущей действительности в массовом сознании и в сознании отдельного читателя, слушателя, зрителя?..

Да, кризис журналистики очевиден, и он проявляется в том, что традиционные СМИ — особенно государственные — теряют в популярности и доверии. Например, исследования медиапотребления россиян, ежегодно проводимые Левада-Центром, показывают, что, хотя телевидение все еще остается основным источником информации, доля наших соотечественников, получающих новости по телевизору, последовательно сокращается; снижается и интенсивность потребления новостной информации. При этом отмечается активный рост аудитории интернет-новостей, высокие темпы роста демонстрируют социальные сети и мессенджеры. Есть и данные соцопросов: уровень доверия к телевидению в июле 2021-го года составил всего 46 % (для сравнения: десять лет назад — около 80 % респондентов доверяли ТВ). Причем «более половины населения считает, что освещение телеканалами положения дел в экономике „не соответствует действительности“. За год недоверие россиян к тому, как телевидение освещает российскую экономику, выросло с 45 до 52 % (доверяют теперь только 40 %). За тот же период недоверие к освещению внешней политики также выросло — с 22 до 34 % (обратного мнения придерживаются 53 %).

Ветеран региональной прессы с болью пишет в «Фейсбуке»: «Сегодняшнее местное журналистское болотце состоит в основном из рерайтеров, то есть воришек чужих новостей, переписываемых ими своими словами. Живых реальных журналистов можно пересчитать по пальцам двух рук. Живыми и реальными я считаю тех журналистов, которые действительно куда-то выезжают, пытаются увидеть реальную жизнь своими глазами и описать ее, невзирая на лица и мнения сверху. Остальных причисляю к офисному планктону...»

И это характерно не только для российской прессы. Опытный русскоязычный журналист из Израиля в соцсетях саркастически отзывается о «безграмотных наемных работниках, которым за плату малую доверяют заполнение новостной ленты некоторых израильских русскоязычных сайтов». На обвинение в чванстве, в частности, за фразу «умиляет банное бесстыдство этих пэтэушников, пролезших в мою профессию» автор отвечает в привычном для него фельетонно-памфлетном стиле: «С критикой согласен в двух аспектах: а) ПТУ — школа рабочего мастерства; б) профессия эта не только моя. Могу добавить и еще один пункт, который моими оппонентам почему-то в голову не пришел: в) в редакциях эмигрантских изданий и каналов, выходящих не на официальных языках страны, журналисты как таковые не составляли, не составляют и теперь уже никогда не будут составлять большинства творческих сотрудников. Посему признаю: в данном случае об «интервенции» в профессию говорить просто не стоило.

Во-первых, потому, что в израильском случае факультеты журналистики университетов бывшего СССР не выпустили столько газетчиков, «радиотов» и телевизионщиков, чтобы покрыть ими, как бык корову, бесконечное когда-то множество «русских» изданий и каналов.

Во-вторых, большая часть русскоязычных журналистов и ведущих с еврейскими фамилиями (Галаху упомянуть стоит?) не репатрировались в Израиль и не эмигрировали в США и Европу, а замечательно устроились в современной России, стали популярными, востребованными, а некоторые — и очень богатыми людьми.

В-третьих, в журналисты подались, после репатриации в Израиль и безуспешных поисков работы по основной специальности, десятки и сотни бывших инженеров, педагогов, музыкантов, сценаристов и режиссеров, сотрудников разнообразных НИИ и даже врачей. Сегодня, спустя многие годы, сказать им, что они чужаки в этом ремесле, было бы бестактно и несправедливо.

В-четвертых, журналисты и не очень-то были нужны. В задачи хозяев изданий, а также политических “разрешительных” органов отнюдь не входило сделать “русские” СМИ самостоятельными единицами, ведущими хронику происходящего, проводящими журналистские расследования, обнажающими те или иные явления действительности. “Журнализм” стали находить в комментариях, зачастую ернических и страдавших самолюбованием, в попытках политических памфлетов и эссе, в очень любительской аналитике, а то и просто в тоскливых рассуждениях на заданную тему. В скудном штатном расписании “русских” изданий на сотрудников навешивали, помимо сугубо журналистских, массу организационных и редакторских повинностей. Центральной фигурой зачастую становился переводчик с иврита на русский, где стаж проживания в Израиле превалировал над знанием обоих языков. Репортеров и корреспондентов, которые работали “в поле”, можно было по пальцам пересчитать, зато редакторов — что тех курьеров у Хлестакова. Псевдорепортажи, где фигурировали и до сих пор фигурируют какие-нибудь “Хаимы Н.,” “Светланы Ю.” и “Ахмеды Ш.,” высосаны из быстрых пальцев пишущих редакторов, замученных нагрузками так, что им не то что на “шетах” — в “ширутим” сходить некогда.

Наконец, в-пятых, нашествие в информационное пространство блогеров и прочих “странноприимной” публики в последнее время действительно низводит журналистику до того состояния, где профессионализм, подготовка, опыт, общая эрудиция, реактивность и элементарная грамотность никому уже не нужны и не важны. Деградация, видимо, будет закреплена фактически, и, когда зуд в одном месте быть прикажет “журналистом”, у них “журналистом” становится любой. Таково печальное будущее — во всяком случае ближайшее, а там, глядишь, все образуется, шелуха отпадет, дело останется).

Да, «кабинетная журналистика» возвращает, но все же зададимся вопросом: если существует исторически сложившаяся, объективно востребованная форма организации жизнедеятельности людей, называемая журналистикой — социальным институтом со всеми его атрибутами, то разумно ли — при всех минусах — разрушать ее, полагаясь на непредсказуемую хаотичную деятельность любителей, лишенных формальной общественной ответственности? Это все равно что, отказываясь от услуг врачей, идти к знахарям или заменить профессиональные театры любительскими, как о том мечтал герой Евстигнеева в фильме «Берегись автомобиля»...

И ведь демонтаж этой веками складывающейся и до поры до времени достаточно устойчивой формы организации совместной деятельности профессионалов, реализовавших важнейшие функции в обществе, начался не вчера — этому процессу как минимум тридцать лет...

Начали с внедрения в массовое сознание деконструктивной идеи о том, что журналистика, если не умерла, то постепенно исчезает: «В России сегодня журналистики нет» — такое заявление в свое время на совместной конференции президентского Совета по правам человека и общественной коллегии по жалобам на прессу сделал телеведущий Владимир Познер. Он же постоянно настаивает на том, чтобы закрыть в вузах факультеты журналистики (интересно отметить, что с ним солидарны такие достаточно эпатажные — каждый в своей области — и антиподные личности, как Андрей Кураев, Евгений Гришковец и Алексей Волин).

Авторы проекта «Атлас новых профессий» при поддержке Агентства стратегических инициатив при Президенте РФ, Московской школы управления «СКОЛКОВО» и RF-Group лет десять назад пришли к выводу, что после 2020-го года, наряду с такими интеллектуальными профессиями, как копирайтер, туристический агент, лектор, библиотекарь, нотариус, юрисконсульт, системный администратор и др., исчезнет также профессия журналиста, а через 20 лет искусственный интеллект вообще «сможет на 95 % решать задачи, связанные со СМИ». Профессор кафедры деловой и политической журналистики НИУ ВШЭ Ольга Романова так и написала в журнале «Смена»: «В

Высшей школе экономики скоро не будет отделения деловой и политической журналистики. И я этому очень рада. Потому что журналистика исчезает, хотим мы этого или нет, это профессия двух предшествующих веков. <...> У нас в НИУ ВШЭ отделение журналистики станет факультетом коммуникаций. Для начала будем изучать „двигатель внутреннего сгорания” — мультимедийность и конвергентность, а там и новые песни придумает жизнь».

То есть миссию журналистика с ее базовыми функциями, часть из которых ориентирована на аудиторию, а другая — на социальные институты, — по боку; сложившуюся систему принципов этой деятельности, главный из которых — влияние на ход общественной жизни, — тоже?.. Но природа, как известно, не терпит пустоты, и не оттого ли информационной деятельностью занялись миллионы любителей? Люди, не бравшие на себя обязательства транслировать только качественную социальную информацию, чем занимались и, к счастью, еще занимаются даже изгнанные из Домов печати в некоторых субъектах РФ редакции СМИ (с этого, кстати сказать, началось разрушение инфраструктуры журналистики). Большинство блогеров не занимается квалифицированной верификацией передаваемых сообщений — их волнует лишь производимый эффект, скандальный чаще всего.

Это профессионал понимает, что проверенная информация позитивно воздействует на сознание человека, побуждая его к определенной деятельности, влияя на его представления о мире, помогая ориентироваться в жизни. Это профессионала заботит, какие идеи, взгляды, нравственные, политические и др. ценности он продвигает в общество, опираясь на достоверные факты, точность в отображении явлений и тенденций общественного развития. Кстати сказать, если блогер сознательно действует в рамках указанных выше правил, если создает и публикует произведения, проявляя гражданскую активность, то он, по сути, функционирует в рамках журналистики участия. Но если в редакциях следят за соблюдением профессиональных — они же этические — стандартов, чему помогает и корпоративное сообщество через Союз журналистов, различные гильдии, палаты, то в отношении «одиночных стрелков» пока практически не действуют никакие формальные правила — закон о «суверенном интернете» в основном касается вопросов маршрутизации интернет-трафика, изменения в федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» еще проходят период апробации...

Теперь об аудитории: мы, к сожалению, потеряли не только статус «самой читающей», но и статус «телесмотрящей» страны — молодежь меньше обращается к качественным СМИ. Отсюда в том числе — снижение уровня и широты читательского, слушательского и зрительского интереса, падение общей культуры. Да, познав свободу выбора, население уходит в социальные сети, отказываясь от профессионально подготовленной и транслируемой информации, и прежде всего в государственных СМИ. И это если не трагедия, то серьезная проблема: ведь интернет-пространство реально заполнено фейковой информацией, но, что особенно опасно, в нем преобладает провокативный дискурс.

Прежде чем поделиться бедами журналистского образования, хотелось бы несколько слов сказать об общих проблемах, переживаемых российской высшей школой.

Одной из первых назову потерю внутренней мотивации студентов к обучению. Это очень серьезный и многофакторный вопрос — здесь же выделю лишь несколько его аспектов.

После того как образование стало услугой и вузам разрешили принимать студентов на договорной основе, т.е. за деньги, страна, по сути, перешла на всеобщее высшее образование (правда, преподавателей вузов может утешать мысль, что они таким образом выполняют социальную функцию, предоставляя возможность молодым людям в течение 4–6 лет находиться в здоровой культурной среде).

При существующих минимальных баллах (от 25 до 40), позволяющих абитуриен-

там с документами о сданных ЕГЭ легко поступить в вуз, факультеты принимают на первый курс контингент с заведомо низким уровнем подготовленности. Творческие испытания на двух наших направлениях — «Журналистика» и «Телевидение» — проблемы не решают, поскольку особой мотивации у абитуриентов все равно не возникает из-за малого количества бюджетных мест. Если в девяностые и нулевые годы, например, нашему факультету на специальность «Журналистика» выделяли 72 места (по 36 на дневное и заочное отделения), на специальности «Реклама» и «Связи с общественностью» — по 24 места (по 12 на дневное и заочное отделения), то в настоящее время из 320 студентов, принятых на все уровни образования (бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура), лишь десятая часть обучается на бюджетной основе.

Но главное — это то, о чем не так давно в своем интервью «Московскому комсомольцу» сказал глава комиссии по образованию Мосгордумы Евгений Бунимович: «Основной рубец у нас идет не между школой и вузом, а между завершением обучения и дальнейшей жизнью. Будь в России система, при которой, чем лучше ты учился, чем выше твои академические, организационные и прочие способности, тем выше твой пост и зарплата, решить все прочие проблемы образования было бы проще. Но у нас все по-другому. Дети крупных олигархов или госчиновников внезапно оказываются самыми одаренными и в 25 лет возглавляют крупные бизнес-структуры или организации и получают высокие награды. А люди это видят и понимают: главное для успеха в жизни не образование, а то, кто твои родители и друзья. Это и есть главная проблема нашего образования. А все остальное решаем!»

Здесь уместно будет вспомнить налаженную связь образовательных учреждений и экономики, а также других социальных сфер советского времени. После 8-го класса часть учащихся шла на производство, часть — в ремесленные (профессионально-технические) училища или техникумы, часть — в 9-й класс. После 10-го класса часть учащихся шла на производство, часть — в ремесленные (профессионально-технические) училища или техникумы, часть юношей — в армию, часть — в вузы. При этом материально-техническая база училищ и техникумов, выпускников которых ждали на фабриках и заводах, была ориентированной на специфику этих предприятий. В силу действенной плановой экономики безработицы не было, как и переизбытка специалистов.

Вторая и третья проблемы — безумная зарегулированность «сверху» и неприлично низкое государственное финансирование высшего образования.

На колоссальном бюрократическом прессинге я еще остановлюсь более подробно ниже, а пока процитирую директора Института развития образования Высшей школы экономики Ирины Абанкиной, которая считает, что нынешнее российское образование постепенно «перестало быть творческой, креативной отраслью. Педагогам остается лишь талдычить годами все те же тексты уроков. А это прямой путь и к их собственному эмоциональному выгоранию, и к демотивации к образованию их учеников». Переход на многоуровневую (бакалавриат, магистратура, аспирантура) систему образования, предполагающую жесткую формализацию учебного процесса, с постоянной сменой федеральных государственных образовательных стандартов, требующей переделки тысячи бумаг, отнимающей массу времени и отвлекающей преподавателей от реального учебного процесса, с тотальным контролем и угрозами даже из-за незначительных формальных нарушений отобрать лицензию, закрыть направление и т. д., с введением принципа коллективной ответственности, низводят систему высшего образования до состояния, при котором главное лицо в вузе — менеджер без ученой степени и звания, для которого главное — отчетность. Забюрократизованность вузов приводит к задавленности академических свобод. О четырехмесячных курсах повышения квалификации и двухмесячных стажировках в столице помнят лишь университетские ветераны...

Из-за интенсивной коммерциализации высшего образования падает общий уровень подготовки обучающихся: ведь ради сохранения контингента снижается требовательность к ним. Таким образом, уменьшение государственного финансирования, высокая стоимость обучения, сокращение бюджетных мест, по сути, лишает молодежь из малообеспеченных семей доступности к образованию. А введение системы подушевого финансирования, по которой вузу крайне невыгодно кого-то отчислять, явно не способствует повышению уровня образования студентов. Отметим и низкий уровень заработной платы вузовских преподавателей, а также почасовой оплаты — в результате люди вынуждены брать часы сверх максимума учебной нагрузки либо искать подработку на стороне. И, например, требование привлекать представителей отрасли становится трудновыполнимым из-за мизерной почасовой оплаты, ведь практики, как правило, не имеют ученых степеней.

Может быть, после февральских 2022-го года событий что-то изменится, но до этого критерии успеха и распределение государственного финансирования среди российских вузов определялись на основе рейтинга, составляемого частной британской компанией. Российские преподаватели были вынуждены подстраиваться под требования, разрабатываемые вразрез с национальными интересами страны: «...хочешь избраться на должность, значит, публикуйся в журналах из западных перечней Scopus и Web of Science. Хочешь получать дополнительную денежную мотивацию — публикуйся и обретай цитирование. Причем цитировать тебя должны тоже в журналах, которые входят в эти базы данных. <...> Если вы хотите, чтобы ваш университет получал повышенное финансирование за государственное задание, то есть за обучение студентов-бюджетников, — пожалуйста, обеспечивайте большое количество цитирований в западных журналах и публикаций в западных журналах. Если хотите, чтобы ваша деятельность как руководителя оценивалась положительно, обеспечивайте те же результаты. <...> Создана целая инфраструктура в университетах, которая должна была обеспечивать рост количества публикаций и цитирований. На это выделялись огромные деньги, которые, с одной стороны, доплачивались сотрудникам за то, чтобы они обеспечили эти публикации. С другой стороны, многие вузы прибегали к консалтинговым услугам: привлекали представителей компаний, составляющих рейтинги, чтобы они рассказывали, как правильно писать статьи, на какую тему их лучше писать, как их публиковать и делать так, чтобы на них чаще ссылались. Эта огромная инфраструктура работает уже достаточно долгое время, и есть случаи, когда университеты по инерции закладывают подобные требования в стратегии собственного развития». Такой вывод еще в ноябре 2021 года сделал член Общественной палаты, декан факультета управления и политики МГИМО Генри Сардарян.

Что же касается журналистского образования, то дискуссии о нем не утихают практически всю новейшую российскую историю, а на фоне цифровизации в сфере медиа они периодически даже обостряются. Если свести воедино угрозы, стоящие перед вузовским журналистским образованием, то их откроет угроза идеологическая (мол, журналистика изжила себя) — о ней мы уже сказали выше. Добавим лишь, что пропаганда неполноценной парадигмы традиционного журналистского образования усиливается: акцент искусственно делается на сугубо технологическом-инструментальном подходе в ущерб сочетанию университетской фундаментальной и прикладной подготовки медиапрофессионалов.

Интересно, что против классического журналистского образования выступают и некоторые журналисты-практики, что, видимо, объясняется традиционным противостоянием «отцов» и «детей», а также «вербалистов» и «визуализаторов», «консерваторов» и «революционеров», «профессионалов» и «дилетантов». Поясню это утверждение.

«Дети» всегда стоят в определенной оппозиции к «отцам», но нынешнее противостояние уникально. Молодежь свободно владеет современной техникой, считая, что

этого достаточно для работы в медиа, снисходительно относясь к установкам «отцов». Но людей всегда привлекало лишь интересное содержание. И интересен всегда тот журналист, который своеобразно мыслит, умеет оформлять смыслы в оригинальную вербальную или визуальную форму. Вот таких специалистов и должны готовить вузы. А если на первое место ставить технику, то не стоит удивляться, почему аудитория твоего СМИ последовательно ужимается. Но такой подход пытаются даже теоретически обосновать. Эксперт пишет: «Если раньше одной из основных целей образования было наполнить головы студентов максимальным количеством знаний за минимальный срок, то сейчас, с моментальным доступом к знаниям из любого смартфона, такая универсальность выглядит устаревшей». Но ведь очевидно, что без базовых знаний никакой смартфон не поможет.

Дискуссии в социальных сетях не отличаются деликатностью, но современный уровень агрессивности, неуважения к авторитетам просто зашкаливает.

Классическая журналистика, в которой доминировало слово, считается устаревшей, поскольку современная аудитория требует «картинки» (рисунков, фото, инфографики, видео). Такие публикации могут быть интересны по форме, но не всегда по смыслу. К тому же на их подготовку затрачивается много усилий, не адекватных производимому эффекту.

Практики традиционно высказываются о плохой подготовленности практикантов и выпускников, видимо, забывая о том, как они сами входили в профессию. Сегодня, когда отрасль журналистики стала зависимой от менеджмента и политиков, очевидны расхождения в понимании миссии журналистики, по-разному трактуется и профессионализм в нашей области.

Российские журналисты-практики нередко пытаются подменять экспертов в самых различных отраслях духовного и материального производства, отсюда — обострение такие специфических и опасных болезней нашей профессии, как дилетантизм, поверхностная «нахватанность», — проявились они и в отношении журналистского образования.

Кажется, нет ни одной отрасли, кроме медиа, где бы так доставалось альма-матер. Хотя если бы проводился настоящий фактчекинг, большинство критических стрел ушло бы «в молоко», потому что обвинители чаще всего незнакомы с современными учебными планами, где многие из дисциплин, которые предлагают ввести псевдореформаторы, уже введены. Наверное, не на всех факультетах, но тогда следует обличать отстающих, а не обвинять систему в целом. Но, видимо, появилась еще одна заразная журналистская болезнь — «недержание текста»...

Дисциплины по экономике медиа и маркетингу читаются на журфаках уже более двадцати лет. Как и предметы, посвященные «мультимедийным форматам, способам организации информации, вариантов группировки или дробления фактов и сюжетов», «оформления сайтов». Хотя и здесь необходимо соблюдать меру, чтобы «компьютерные знания» не затмили умения грамотно и по делу писать, навыки литературного редактирования и творческого мышления. Чтобы не заворачивать в красивый фантик пустое.

В учебных СМИ студенты под руководством опытных наставников публикуют интересные журналистские материалы, но вот они приходят, как говорится, «на производство», где могут быть совсем иные требования. В каких-то редакциях придерживаются жестких форматов («Нам ваша публицистика не нужна — достаточно ответов на что, где, когда!..»); в каких-то ограничивают свободу правилами владельца или учредителя, порой даже зафиксированными в специальных памятках; в каких-то не гнушаются «джинсой» — будь то коммерческий или политический заказ.

Что касается нашей науки, то и здесь не так давно было высказано мнение, что «за долгие годы исследований в области журналистики ученые так и не смогли выработать единое определение науки и достичь понимания ее предмета». Но это мнение

неофита, поскольку если серьезно штудировать учебники и монографии серьезных ученых, поработавших на ниве теории журналистики (одно только имя Евгения Прохорова чего стоит!), то очевидно, что онтологическое поле теории журналистики давно сформировано, методы и формы исследования, исследовательский инструментарий также описаны и успешно применяются, хотя категориальный и понятийный аппарат все еще уточняется, что связано с многофакторностью объекта исследования — постоянно обновляемой журналистики. Более того, теория журналистики как наука о массово-информационной деятельности развивается, объединяя усилия филологов и историков, философов и психологов, социологов и политологов, правоведов и экономистов и др. Но интердисциплинарный характер хорош до определенной степени. Да, у нас сложились такие направления журналистиковедения, как история журналистики, поэтика публицистики, психология журналистики, социология журналистики, экономика журналистики и др., при сохранении до недавнего времени приоритета в них журналистики. Но в настоящее время появляется масса «пограничных исследований», авторы которых ни дня не работали в СМИ. Они и в университетских аудиториях «тянут одеяло на себя», транслируя лишь «книжные знания» о профессии, и круг таких специалистов, которые в обеих отраслях дилетанты, к сожалению, ширится.

Как видим, мысль о демонтаже журналистики как социального института вовсе не «тягостная бредь». Осознав реальную опасность, важно поставить и начать последовательно решать сложную комплексную задачу по повышению общей грамотности и медиаграмотности населения, по воспроизводству качественной аудитории СМИ. И здесь может помочь советский опыт комплексного воспитания подрастающего поколения посредством литературы, кино, театра, журналистики для детей младшего, школьного возраста, а затем для юношества, для молодежи и т. д.

Массовое медиаобразование следует включать в учебные планы школ и вузов, организуя школьные медиacentры, проводя фестивали детско-юношеских СМИ и др. Следует возродить детско-юношескую и молодежную журналистику.

Конечно, и традиционная — классическая — журналистика, следуя своей миссии, должна учитывать факт бурного развития социальных медиа, новых медиа, социальных сетей, используя их для общения, редактирования информации, обмена мультимедийной информацией. То есть СМИ важно брать все лучшее, что отличает гражданскую журналистику (диалогичность, нестандартность, доверительность, гиперлокальность и др.), и минимизировать свои недостатки (ангажированность, консерватизм, ограниченность стереотипами, унифицированность и др.). Ведь современные исследователи отмечают, что журналисты даже федеральных каналов, оказывающих особенно заметное влияние на общественное мнение и на общественное сознание россиян, порой отходят от профессиональных стандартов. При этом нарушения (неравномерное представление разных точек зрения по обсуждаемой проблеме; отстаивание в большей мере только одной позиции; пренебрежение нормами деловой коммуникации; сверхэмоциональное давление и др.) допускаются ведущими либо в силу субъективного убеждения об обоснованности такого поведения в «эпоху новых медиа», либо сознательно — в целях повышения рейтинга программ.

О БЮРОКРАТИИ

Частенько вспоминаю такой анекдот: «Одна корова говорит другой: “У меня такое впечатление, что эти люди специально откармливают нас, чтобы вытягивать из нас молоко, а потом вообще пустить на мясо”. Вторая, пренебрежительно отмахиваясь хвостом, отвечает: “Вечно ты со своей идеей мирового заговора”». Шутка, в которой, как утверждают мудрецы, все же присутствует доля правды, универсально подходит для объяснения ситуации во многих социальных областях, но я — о том спруте (или

левиафане — выбирайте, кому что/кто больше нравится), уже более тридцати лет взращиваемом на отечественной ниве образования.

Поскольку вузовского преподавательского стажа у автора сорок с лишним лет, т.е. начинал он еще в советское время, то сравнивать есть с чем. Да, были и тогда рабочие программы дисциплины (РПД), которые создавались с опорой на основные учебники, издававшиеся авторитетными факультетами авторитетных университетов (МГУ, ЛГУ), университетскими или центральными издательствами, и которые утверждались заведующими кафедрами. Да, были журналы занятий, открытые лекции, ежемесечные заседания кафедр и само собой — сессии, защиты дипломов. Все! По сути, этим и ограничивались контролирующие функции, что отнюдь не мешало выпускать качественных специалистов, а, напротив, оставляло массу возможностей для преподавательской свободы и творчества. А главный контролер был — требовательный советский студент, который бы уж точно не простил халтуры!..

Но пришел Болонский процесс — бессмысленный и беспощадный. На отечественную почву без учета многолетних традиций образования, менталитета обучающихся и обучающихся, без широкого общественного обсуждения были перенесены западные принципы формализации учебного процесса. Сократились время обучения в вузе, уменьшились аудиторные часы, что не могло не сказаться на эффективности образования. Вскоре члены экзаменационных комиссий, а, главное, работодатели осознали, что знания, полученные на уровне бакалавриата, являются лишь базовыми, и их явно не хватает на производстве (возможно, и поэтому объективно возникают трудности при организации практик и при трудоустройстве выпускников). Со временем обнаружилось, что в единое образовательное пространство российские вузы никто впускать не собирается — наши дипломы так и не признаются на Западе, а качественные характеристики национальной системы высшего образования оказались во многом утраченными. Принцип академической мобильности — по известным и прежде всего по экономическим причинам — реализовывался лишь формально, как и требования введения курсов по выбору, балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов. Итог? Цели Болонского процесса не достигнуты, денег на «реформу» потрачена уйма...

Финансовая сторона дела, конечно, важна, но наши потери имеют не только экономический характер. Образование, приравненное к услуге, породило мощнейшую бюрократическую систему — тот самый спрут, который душит это самое образование, убивает его смысл, заключающийся в развитии. (Это относится и к одному из рыночных инструментов — ЕГЭ, ориентирующему школьника в большей степени на получение высокого балла, но не широких и глубоких знаний). Возможность обучаться за деньги привела страну к всеобщему высшему образованию и как следствие — к явному снижению уровня подготовленности выпускников: ведь вуз, экономическая состоятельность которого — штатные ставки и многое другое, зависит от контингента обучающихся, не заинтересован в массовом отчислении неуспевающих.

«Услуга» отразилась и на статусе преподавателя — сегодня в вузе на главных ролях вовсе не доценты и профессора, а менеджеры и финансисты. Управленцев от образования становится все больше и больше, и это, как правило, люди без ученых степеней, но с чувством повышенного самомнения. Пошлая фраза: «Если ты такой умный, то почему не богатый?», к сожалению, сегодня определяет и функционирование высшей школы.

Культ образованности уходит — главным становится «бумажка», т.е. диплом о высшем образовании. При этом все годы обучения нынешний студент буквально бьется за высокие оценки — не за знания, а именно за высокие баллы, которые можно и нужно получить, обхитрив преподавателя, — благо современные технологии, всевозможные гаджеты позволяют это делать более изощренно, чем это делал незадачливый двоечник из известной гайдаевской комедии. Это, конечно, относится не

ко всем нынешним студентам (молодые люди, правильно использующие интернет-возможности, порой становятся настоящими «звездами»), но ко многим.

Но вернемся к бюрократической братии, которую составляют в большинстве своем поистине «железные леди», — женщины (а именно они в основном представляют структуры контроля за качеством образования), жестко следящие за исполнением многочисленных параграфов многочисленных федеральных стандартов, т.е. на самом деле оценивающие не качество образования, а качество заполнения бумаг. В этом суть их деятельности и обоснование необходимости. Содержания образовательного процесса они не знают и знать не могут (в классических университетах несколько десятков факультетов и огромное количество направлений и специальностей), поэтому действуют по простому принципу, согласно которому формальные моменты превалируют над анализом содержания. А этих моментов, отраженных в тысячах локальных актов, несть числа... Наивно думать, что все пункты знакомы даже самим создателям этих актов, хотя они, видимо, получают удовлетворение от раскладывания всего и вся по полочкам. Отсюда ключевое слово — *имитация*. Чиновники разных уровней имитируют бурную деятельность (говорят, что сегодня соотношение преподавателей и менеджеров в системе российского высшего образования составляет 40 на 60 процентов), рождая все новые и новые формы отчетности — не потому ли преподавателям некогда серьезно заниматься повышением квалификации, наукой и воспитанием студентов?..

Когда сказанное выше уже было положено на бумагу, интернет вывел автора на фразу: «Паразитическая чиновничья надстройка над школами, университетами и училищами разрослась настолько, что почти убила, как раковая опухоль, сам организм» (<https://skeptimist.livejournal.com/2603299.html>), а затем и на комментарий известного педагога Николая Казмина, которыми он дополнил свое открытое письмо, написанное четыре года назад (<https://likorg.ru/post/nikolay-kazmin-o-borbe-s-byurokratizaciey-obrazovaniya>). Поскольку наши мысли совпадают, напрашивается вывод: ведь действительно что-то неладное творится в нашем королевстве. И не пришло ли, наконец, понимание, что, кроме армии и флота, у страны есть еще два друга — образование и наука?..

* * *

Когда уже были написаны эти строки, пришла новость, от которой забурлило вузовское сообщество: сначала Секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев, а затем министр науки и образования Валерий Фальков сенсационно заявили о намерении России выйти из Болонского процесса, в котором она участвовала на протяжении двух последних десятилетий. С их точки зрения, присоединение России к этой системе целесообразно денонсировать, поскольку «наших студентов и преподавателей фактически выдавливают из западной научно-образовательной сферы». Но, видимо, причина не только в этом — главное, что цели реформы, начатой с подписания декларации «Зона европейского высшего образования» в июне 1999-го года, не были в полной мере достигнуты. По крайней мере, в нашей стране. Ведь нельзя сказать, что общеевропейское образовательное пространство построено, и любой российский студент, а также преподаватели и управленческий персонал могут свободно по нему передвигаться, что российские дипломы легко признаются в странах ЕС... Правда, одну из задач выполнили, отказавшись от всеобщего бесплатного советского образования и превратив его в услугу, в бизнес на учениках и студентах.

Политик, доктор медицинских наук, академик РАН Геннадий Онищенко тоже оперативно откликнулся на новость: «Оголтелая приверженность Болонской системе сыграла отрицательную роль. Мы многое сломали из доброго, что было у нас, и ничего хорошего не взяли из той же Болонской системы: там ведь тоже есть свои плюсы.

Поэтому сейчас необходимо спокойное осмысление и возврат к базовым истокам нашего образования. Хотя сделать это будет трудно — прошло почти двадцать лет с начала болонского эксперимента, и уже почти нет педагогов, которые работали по старой системе образования. Поэтому “революцию” с завтрашнего дня сделать не получится. Это как с ЕГЭ. Когда говорят, давайте вернем систему традиционных экзаменов, у меня вопрос: а нынешние учителя-то знают, как эти экзамены проходили? Кстати, думаю, ЕГЭ — это один из аспектов, который будет обсуждаться в рамках предстоящих изменений в вузах».

Да, кто-то приветствовал Болонский процесс, а кто-то сразу понял его ущербность. Первые сегодня ищут аргументы для его оправдания, первостепенный из которых, конечно же, финансовый: отказ обойдется недешево! Вторые, как и двадцать лет назад, объясняют, что нельзя было переносить на отечественную почву западные принципы формализации учебного процесса — без учета многолетних традиций образования, менталитета обучающихся и обучающихся, без широкого общественного обсуждения. Финансовая сторона дела, конечно, важна, но наши потери имеют не только экономический характер. Образование, приравненное к услуге, породило мощнейшую бюрократическую систему — тот самый спрут, о котором уже было сказано выше, но еще раз подчеркнем: этот левиафан реально душит образование, убивает его смысл, заключающийся в развитии.

О КИНО

В далеком 1973-м году я работал каменщиком в студенческом стройотряде, возводившем животноводческий комплекс. Было у нас четыре бригады, размещавшиеся в палатках, а в центре городка располагались штабной вагончик и огромный шатер, в котором выступала отрядовская агитбригада, устраивались танцы, смотрели телевизор... Собственно, в связи с тем телевизором я и вспомнил о ССО, ведь по нашему «Горизонту» мы каждый вечер смотрели сериал «Семнадцать мгновений весны» (а потом, кстати, шли в ночную смену отрабатывать упущенное время). Может, нынешним двадцатилетним и не поверится, но в те двенадцать летних (по числу серий) вечеров вся страна — от Калининграда до Владивостока — усаживалась у телеэкранов, чтобы переживать за Штирлица, пастора Шлага и радистку Кэт, а на следующий день после премьеры буквально смела с полок книжных магазинов романы Юлиана Семенова. Произошел необыкновенный взрыв интереса к Великой Отечественной войне, вторую молодость переживали авторы и исполнители: режиссер Татьяна Лиознова, композитор Микаэл Таривердиев, певец Иосиф Кобзон, актеры Вячеслав Тихонов, Леонид Броневой, Евгений Евстигнеев, Николай Гриценко и многие-многие другие.

Это я к тому, что у народа обязательно должны быть культурные скрепы, которые и делают его нацией.

Это я к тому, что киноявления реального героя гражданской войны Василия Чапаева и собирательного образа советского разведчика Максима Исаева не назидательно, а художественно-эмоционально и профессионально могли воспитывать и воспитали людей, знающих и любящих историю и культуру своей страны.

Это я к тому, что крайне удивительно было мне узнать, что магистранты-журналисты имеют самое смутное представление о творении Семенова-Лиозновой, что студенты направления «Телевидение», у которых я веду курс по истории кино, предпочитают зарубежное синема, а наших режиссеров и актеров знают очень плохо. Хотя это не их вина, а беда: ведь продукция Голливуда, и не самого высокого качества, буквально заполонила наши отечественные мультиплексы.

До сих пор вспоминают ленинскую фразу: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино», основанную на воспоминаниях А.В. Луначарского. Возможно, в оригинале она звучала иначе, но смысл услышанного соратником вождя очевиден: име-

лось в виду просветительское значение кинематографа в процессе кампании по ликвидации безграмотности российского, сельского по преимуществу, населения страны. Идеино-воспитательная функция такого массового искусства, как кино, с годами только усиливалась, и западные идеологи понимали это как никто, поощряя создание особых образов русских и России, возникающих в ходе просмотра серии фильмов о британском агенте Джеймсе Бонде, по сюжету успешно борющемся с «красной угрозой». Такой же эффект возник и после знакомства с фильмом «Красный рассвет» 1984 года, в котором Советский Союз и Куба вторгаются на территорию США, — и даже школьникам приходится идти в партизаны, чтобы противостоять кровожадным русским, расстреливающим мирных американцев. «Злые русские» действуют и в «Рэмбо», который снимается с 1980-х гг., а им на территории Вьетнама и Афганистана противостоит благородный американский военный в отставке...

Увидел в Фейсбуке пост нашего выпускника, который в свои сорок с небольшим лет впервые посмотрел фильм той же Лиозновой «Три тополя на Плющихе» и написал о том, как его тронул сюжет, как он восхищен работой режиссера, оператора, игровой актер. Мне тоже очень нравится эта черно-белая лента (правда, сегодня демонстрируется и раскрашенный вариант) с крупными планами Ефремова и Дорониной, с чудесной музыкой Пахмутовой и щемяще-грустным финалом. Но подумалось: как жаль, что наш замечательный студент, не посмотрел эту картину десять-двадцать лет назад, ведь, возможно, она могла ему помочь на жизненных поворотах или обогатила бы эстетически. Кто-то скажет: да, хороший фильм, но ведь не шедевр. Может, и не шедевр, но до сих пор как всякое настоящее произведение искусства этот фильм, проходящий по рангу русского неореализма, продолжает волновать, вызывать сочувствие, показывает, как жили и что думали наши люди конца шестидесятых.

Но вернусь к своим магистрантам, которым я предложил анкету об их кинопредпочтениях. Оказывается, лишь один из опрошенных высказался за русское кино, отметив качественность сюжетов и ментальную близость изображаемого, зато «западники» не поскупились на комплименты: «как будтоходишь в другой мир»; «находишь отклик на твои мысли» (так было в советском, но этого нет в современном кино); «актеры играют более профессионально»; «это живое кино, а наше — “пластиковое”...», «нравятся спецэффекты и то, что западное кино учитывает потребности зрителя».

Ну, допустим, с низкой оценкой отечественной актерской школы я категорически не согласен, но так думает молодежь, и хорошо бы понять, почему. Может быть, потому, что нет стоящих предложений?..

Помню, во времена нашей туманной юности был дефицит именно иностранных фильмов, на которые люди шли толпами во время фестивальных показов. Так мне удалось посмотреть «Фанни и Александр» Ингмара Бергмана, «Полковник Редль» Иштвана Сабо, «Пролетая над гнездом кукушки» и «Регтайм» Милоша Формана, но это были работы самой высокой пробы. Сегодня же дефицит на качественные отечественные ленты, что и отмечают студенты.

Мультиплексы задумывались как киноцентры, в которых представители разных целевых аудиторий могли выбрать что-то свое. Но нынешняя афиша не блещет разнообразием — все в основном рассчитано на подросткового и молодежного зрителя, все с шумом и спецэффектами.

Экшн фореве!

А где залы повторного фильма?

Где залы документального или короткометражного кино?

Где маркетинговый подход, который учитывал бы, например, тот факт, что платежеспособная возрастная аудитория,ходя в кинотеатр, не ограничивается попкорном, а заходит и в магазинчики, расположенные на разных этажах ТРЦ?

В общем, нет предложения — нет и спроса.

Справедливости ради отмечу, что, помимо иностранцев Джима Керри, Киры Найтли, Венсана Касселя, Леонардо Ди Каприо и наших Даниила Козловского, Александра Петрова, студентки (а среди опрошенных более девяноста процентов — девушки, что является теперь типичным для журфаков) вспомнили Вячеслава Тихонова и Александра Кайдановского, Андрея Тарковского и Андрея Кончаловского, Киру Муратову и Александра Сокурова. И все же в числе наиболее запомнившихся отечественных фильмов было названо в два раза меньше, чем зарубежных, как и любимых актеров и режиссеров. А жаль...

Да, лишь пятой части студентов нравится отечественный кинематограф, хотя есть и те, что еще не определились со своими предпочтениями. Аргументы тех, кто за наше кино: «...Я люблю глубину и силу русской души, которая раскрывается в нашем кино. Оно способно тронуть сердце. Особенно мне нравится старое отечественное кино. Эти фильмы хочется пересматривать снова и снова. Они заставляют нас сопереживать героям, плакать или смеяться. Я представляю, как мои родители, дедушки и бабушки смотрели эти фильмы»; «Наше кино понятнее и ближе нам по менталитету. Оно очень личное. Даже если жанрово фильм не предполагает историю о внутренних переживаниях главного героя, для русского режиссера важно раскрыть его характер, показать, как история, произошедшая с героем, изменила его внутренний мир, а также мир вокруг него».

Некоторые из отвечавших размышляли и о причинах кризиса отечественного кинематографа: «К сожалению, отечественное кино сейчас переживает серьезный упадок. Как мне кажется, происходит это по двум причинам: сильная коммерциализация современного отечественного кинематографа и фанатичное подражание западным режиссерам. В сумме это приводит к тому, что снять фильм имеет возможность только тот режиссер, у которого достаточно средств на это или есть серьезная поддержка Фонда кино. Поэтому последние несколько лет мы видим на экране одних и тех же актеров в фильмах одних и тех же режиссеров, неудачные ремейки советской классики и плохо сделанные по западным лекалам российские блокбастеры и фильмы про супергероев. При этом западные фильмы, которые заслужили симпатию у зрителей, часто сняты независимыми режиссерами, они могут быть нестандартными, необычно выглядеть. История, которую западный режиссер рассказывает, иногда бывает очень спорной по морали и не до конца понятной по смысловой нагрузке, но она всегда живая и цепляет тем, что режиссер не боится сказать то, что думает»; «Наши качественные фильмы можно увидеть разве что в ночном показе некоторых каналов, а “шлак” типа “Елок” или “Бабушки легкого поведения” крутят постоянно. За рубежом же закупаются более-менее качественные фильмы, и когда их сравниваешь со всей массой наших, то, понятное дело, сравнение оказывается не в пользу российского кино».

На вопрос «Какие отечественные и зарубежные фильмы Вам запомнились?», первых называлось намного меньше, чем вторых (среди зарубежных лидеров — «Великий Гетсби», «Титаник», «Римские приключения», «Гарри Потер», «Господин Никто»; среди отечественных — «Любовь и голуби», «Москва слезам не верит», «А зори здесь тихие»). Так же распределились ответы на вопросы о режиссерах (среди зарубежных режиссеров чаще других назывались Уэст Андерсон, Тим Бертон, Джеймс Кэмерон, Стивен Спилберг, Мартин Скорсезе Стэнли Кубрик, Квентин Тарантино, Люк Бессон, Мартин Скорсезе, Вуди Аллен; среди наших — Леонид Гайдай, Эльдар Рязанов, Владимир Меньшов, Андрей Тарковский, Андрей Кончаловский, Никита Михалков, а также Алексей Балабанов, Андрей Звягинцев, Николай Лебедев, Юрий Быков, Тимур Бекмамбетов, Федор Бондарчук). Наиболее популярные зарубежные актеры: Леонардо Ди Каприо, Анджелина Джоли, Джонни Депп, Моника Беллуччи, Киану Ривз, Джим Керри; российские: Сергей Безруков, Александр Петров, Владимир Машков, Константин Хабенский, Даниил Козловский, Дмитрий Дюжев.

Все жанры из перечисленных — драма, мелодрама, история, детектив, комедия, приключения — смотрят с одинаковым успехом, чуть в меньшей степени привлекают боевики и ужасы. Одна из студенток написала: «Я смотрю все на свете и пока верю, что не жанр определяет качество картины, а то, насколько сильно она западает мне в душу».

О ФЕЙКАХ И ПОСТПРАВДЕ

И напоследок — о проблеме, которая касается всех, но тех, кто занимается массовой информацией, особенно: о новой информационной эпохе, когда широкое распространение лженовостей усугубляет недоверие аудитории к журналистике и требует реагирования от медиапрофессионалов.

В 2016 году словом года была названа «постправда» (или «постистина», от англ. *post-truth*), которое поначалу означало лишь некие обстоятельства, при которых мнения, эмоции были важнее объективных фактов. Сегодня же все чаще говорят об «эпохе постправды», когда у большинства населения нет веры к большинству источников информации, кроме избранных ими самими по соответствию их мировоззрению. Более того, медиаэксперты утверждают, что именно сверхширокое распространение фейковых новостей привело к появлению повседневной политической культуры, которая по аналогии с постмодерном и названа постправдой.

Скрытие правды сегодня происходит тонко: например, при помощи отвлекающих маневров, когда ее не прячут, а просто топят во лжи, когда плодят факты, обладающие внешней достоверностью, в которые обязательно кто-то поверит, — и в этой информационной паутине даже профессионалам трудно отличить истину от злонамеренного вымысла. Тем более что во времена господства социальных сетей с их хором глупостей, заглушающих одинокие голоса правды, это делать все труднее и труднее. Но на это, собственно, и расчет тех, кто сознательно манипулирует общественным сознанием, кто, как писал в свое время Станислав Лем, умело «топят зерно истины в лавине несуразных вымыслов».

Возможно, блогеры и тролли живут и действуют по девизу Ницше, считавшего, что фактов нет, а есть лишь их интерпретация, но это все же лишь красивый парадокс, потому что мир заинтересован в поиске и нахождении истины. К тому же есть мнение, что крылатые выражения фиксируют не только мудрость, но и заблуждения человечества, выступая своеобразным утешением для некоторых представителей многоликого социума.

Вот что написал по этому поводу Александр Генис: «Как известно, в Америке борются две теории эволюции: одна — по Библии, другая — по Дарвину. О правоте той или иной спорят ученые, политики и школьные учителя. Но как быть с Гранд-Каньоном? Попав туда, я услышал от гида две версии его происхождения. Первая: каньон прорыла река, еле видневшаяся на дне ущелья. Вторая: все натворил ветхозаветный потоп. Вот это и называется альтернативным фактом. Не желая ввязываться в дуэль веры с наукой, экскурсовод предложил два несовместимых тезиса. Нам предлагается не только выбирать между ними, но и отказаться от обоих, всплеснув руками: мир непостижим, истина неуловима, каждому по его вере». Такой подход и рождает тотальный скепсис и по отношению к реальности, и по отношению к СМИ. Снижение доверия к журналистике — печальный, но очевидный факт.

Итак, в последнее время все чаще стали говорить о постправде, хотя этому термину уже ровно 30 лет — впервые он появился в журнале *The nation* в эссе американского драматурга сербского происхождения Стива Тезича, в котором речь шла об Уотергейте, о событиях в Персидском заливе, об Иран-контрас и др.

К истокам этого явления относят хрестоматийную PR-кампанию «Факелы свободы». История ее такова. Крупнейший американский пиармен Эдвард Бернейс, кото-

рого называют «отцом общественных отношений», почти сто лет назад изменил отношение американского общества к табакокурению: если прежде курящая женщина считалась вульгарной, и такое поведение всячески осуждалось общественным мнением, то после проведенной им по заказу *Lucky Strike* кампании по развитию табачного рынка в США женщина с сигаретой стала символом элегантности и утонченного вкуса. Главная идея кампания выразилась в утверждениях, что сигареты — это факелы свободы для женщины, что это своеобразная форма сопротивления мужчинам, считающим курение своей привилегией. А главным событием кампании стало названное Бернейс парадом свободы шествие в Нью-Йорке 1 апреля 1929-го, в котором приняли участие женщины, несшие факелы в виде зажженных сигарет. Колонну возглавляла известная феминистка Руд Хейл, провозглашавшая: «Женщины! Зажгите свой факел свободы! Боритесь с еще одним сексистским табу!» В ходе кампании использовались и другие достаточно эффективные методы и приемы внушения, в том числе ложная информация — например, о том, что курение помогает пищеварению, улучшению голоса... В наши годы пиком формирования политического дискурса постправды стали дебаты вокруг Брексита, а также президентская кампания в США в 2016 г.

В общем, постправда представляет собой сложное явление, отличающееся наличием конкретных принципов: истина не важна — важно впечатление; эмоции находятся в приоритете над фактами в оценке новостей. Применяются особые методы: апелляция не к логике, а к эмоциям и рефлексам; стереотипизация сознания; мифологизация; фейки и дипфейки). Налицо особый вектор и характер коммуникации: идеологическая предвзятость и политическая ангажированность медиасообщений; отсутствие доказательной базы и сознательный отказ от факт-чекинга) и особой среды распространения (интернет, социальные сети).

Видимо, следует уточнить и понятие фейка (от английского — подделка, фальшивка, обман), которое следует отличать от добросовестной ошибки. Фейковая новость — это всегда сознательная манипуляция общественным сознанием, т.е. дезинформация, преследующая негативные цели, и прежде всего подрыв репутации. Появилась еще разновидность фейка — дипфейк, представляющий собой созданную с помощью нейросетей реалистичную подмену фото-, аудио — и видеоматериалов.

В прошлом веке бытовало известное многим словосочетание «газетная утка», под которым понималась заведомо ложная, придуманная сенсационная новость, опубликованная в СМИ. Цели этой акции могли быть самыми разными, и, как правило, чем неправдоподобней была история, тем больше людей реагировало на нее, об изданиях начинали говорить, это способствовало увеличению тиража, его продажам, а, значит, и дополнительной прибыли. Версий происхождения термина несколько, но наиболее вероятной признана та, что связана с именем журналиста Роберта Корнелиссена, который в начале XIX в. написал в одной из брюссельских газет заметку об утке-каннибале. Он просто хотел разыграть публику, но после того как заметку перепечатали другие издания чуть ли не вся Европа заговорила о прожорливости уток и поедании ими себе подобных. Через какое-то время автор объяснил, что он просто хотел продемонстрировать уровень доверчивости читателей, некритично воспринимающих информацию, и с тех пор любая лживая информация, использованная в печатных изданиях, стала называться «газетной уткой».

Есть еще три понятия — мистификация, пастиш, мокьюментари, так или иначе связанные с трансформацией информации: первое означает выдумку, затею или намеренную попытку ввести публику в заблуждение; второе — подделку, имитацию, подражание; третье является названием кинематографического жанра. Мистифицируют как в шутку, так и со злобным намерением; создают пастиш, т.е. вторичное произведение, как правило, с художественной целью, сохраняя авторский стиль, сюжетные линии, имена героев и т.д.; снимают мокьюментари в форме документального

фильма, специально выбирая не настоящий, а вымышленный предмет отображения. Все перечисленное касалось достаточной узкой группы людей, и эффект был не столь значителен. Но сегодня апелляция к личным убеждениям людей и их эмоциям стала не просто тенденцией, а чуть ли не медиапринципом, и она, к сожалению, считается более действенной, чем ссылка на объективные факты — распространение фейковых новостей в социальных сетях стало массовым явлением.

«Человек с пробиркой» Колин Пауэлл стал символом лжи. 5 февраля 2003 года он, будучи госсекретарем США, выступая в ООН, продемонстрировал пробирку с белым порошком и заявил, что это образец производимого в Ираке оружия массового поражения, скрывавшегося от международных инспекторов. И хотя впоследствии оказалось, что никаких спор «сибирской язвы» в пробирке не было, фейк, по сути, стал оправданием вторжения США с союзниками в страну, а затем и свержения правительства Саддама Хусейна. Хотя через год Пауэлл сказал, что это ЦРУ ввело его в заблуждение, стало очевидным, что его выступление было не ошибкой, а частью системы дезинформирования: «Американский центр гражданской ответственности совместно с Фондом за независимость журналистики провели исследование, в ходе которого было подсчитано, что с сентября 2001-го по сентябрь 2003-го руководство США сделало 935 заявлений по Ираку, которые не соответствовали действительности. В частности президент Буш сделал 259 ложных высказываний (231 о наличии у Саддама оружия массового поражения, 28 — о связях Ирака с террористами), а госсекретарь Пауэлл — 254 высказывания».

И вот почти через двадцать лет мир стал свидетелем уже «ковровых информационных бомбардировок». Кажется, буквально все известные методы, средства и приемы манипулирования используются в информационной войне, направленной на ментальное, культурное уничтожение России. При этом недостоверная информация (например, об уничтожении родильного дома в Мариуполе, о бомбардировке ядерного реактора в Харькове и т.п.) мгновенно распространяется по всему миру, в том числе в нашей стране. Опасность фейков стала столь велика, что отечественным законодателям пришлось срочно принимать поправки в Уголовный кодекс РФ, согласно которым предусматривается лишение свободы на 15 лет за заведомо ложные сообщения об использовании вооруженных сил, их публичную дискредитацию и призывы препятствовать деятельности армии. Таким образом, узаконена личная ответственность за распространение фейков.

